

ГОРЬКИЕ ЗАМЕТЫ

Виктор РОЗОВ

МОИ ТРЕВОГИ

ПЕРЕМЕНЫ, перемены!.. Во всех сферах нашей жизни! Совершаются они и в театрах. Ускорение. Но я сразу для себя решил: ускорение — это не значит спешка. А то вместо одних недостатков образуются другие. Шутя я говорю себе: ускоряться надо медленно. И как перевести насущное понятие «перестройка» в реорганизацию театрального дела? Вернее, внутритеатрального. Изменения необходимы, их продиктовало народное голосование — во многих театрах страны зритель покинул залы. Правда, рапортующие доказывают обратное, но происходит какое-то загадочное явление: все билеты проданы, а в зрительном зале людей очень мало. Впрочем, мы знаем ответ на загадку. Отток зрителя от театра объясним — я заметил давно эту надвигающуюся опасность, не раз говорил о ней на совещаниях еще лет пять назад, но благодущие брали верх — зритель тогда еще не бежал от театра.

Что меня беспокоит сейчас? Прежде

всего чтобы слова, сказанные с высоких трибун и относящиеся в первую очередь к промышленности и экономике, не были рьяными «энтузиастами» механически перенесены в сферу искусства.

Демократизация всей нашей жизни — явление чудесное, но и здесь, в театральном деле, необходима крайняя осторожность. Театр — это собрание творческих индивидуальностей, людей особого духовного и психического склада, людей страстных и нередко слабо самоуправляемых. Демократизация не значит распушенность. Может быть, для меня она подразумевает содружество. На моей памяти самым демократическим образом основался 30 лет назад театр «Современник». Это был молодой коллектив единомышленников. И сколько я помню, долгие, долгие годы театр был монолитен и вызывал восторг зрителей именно своей демократичностью, на ней и держался. А ложная театральная демократичность началась уже давненько. Приведу пример.

Существовал прекрасный театр на Малой Бронной. Ежевечерне у подъезда толпа и радостные для нас возгласы: нет ли лишнего билета? Не будет преувеличением сказать, что успех этого театра определял Анатолий Эфрос, хотя он и не был главным режиссером. Бесспорно, привлекая зрителей и многие замечательные актеры, которые шли за Эфросом еще со времен совместной работы в Центральном детском театре, актеры, которых можно сказать, Эфрос вылепил своими руками, — я тому свидетель с первых их шагов на сцене. И вот началось брожение. Ну, назовем это бунтом против Анатолия Васильевича. Директор театра не погасил разгулявшиеся страсти и допустил уход Эфроса. Неужели же он не понимал значение такого уникального художника для его же театра, для дела? Но откровенно скажу: не поведение директора меня особо огорчало, а учеников Эфроса, тех, о которых я сказал, что вылеплены они были его руками. Не знаю ничего на свете страшнее предательства. А когда ученики предадут учителя — неслыханное злодеяние! Недаром Данте поместил предателей на самое дно ада, в девятый круг.

Эфрос перешел работать на Таганку. Перешел с самыми добрыми намерениями — помочь театру в тяжелые дни, когда коллектив был покинут своим прежним руководителем. И здесь «демократия» достигла самых отвратительных пределов. Началась травля. Прокалывали баллоны на «Жигулях» Эфроса, исписывали бранными, гадкими словами его дубленку, фрондировали открыто и нагло. Мне не забыть, как на прекрасном юбилейном вечере, посвященном 30-летию образования театра «Современник», трое таганских актеров,

только что принятых в труппу «Современника», пели на сцене пошлейшие куплеты, оскорбительные для Эфроса. Присутствующих на юбилее охватили стыд и чувство, будто все неожиданно оступились и угодили в помойную яму.

Правда, все это не ново, бывало и раньше.

Разгул современной черни — да, да! Чернь существует и поныне — она ненавидит всех, кто талантливее ее, чище, лучше, добросовестнее, работоспособнее, в конце концов. И сейчас надо быть начеку, чтоб не дать возможности ей разгуляться. Реорганизация и демократизация в театре — тончайшее дело. Здесь творческие дела не может решать большинство — это наивно и даже комично. Ну представьте себе: выбор пьесы определяет не Товстоногов или Ефремов, а вся труппа по большинству голосов. Это же нелепость! И даже власть художественного совета не должна быть слишком велика: это совет — и только! При крупных режиссерах-лидерах существование их вообще, на мой взгляд, необязательно. Режиссер сам посоветуется с кем считает нужным. Есть и дирекция, и секретарь партийной организации, и заведующий литературной частью. Человек, стоящий во главе театра, — фигура необходимая, будь то главный режиссер или директор.

Я вспоминаю давние времена, когда Центральный детский театр возглавлял директор К. Я. Шах-Азизов. Вот маленькая зарисовка: труппа обсуждает генеральную репетицию перед сдачей спектакля. Возбужденные актеры, главным образом те, кто в спектакле не занят, их всегда большинство, критикуют яростно, кричат, что подобное недостойно сцены, и т. п. Выслушав всех, Константин Язонович встает, благодарит выступавших и объявляет: «Завтра спектакль». На следующий день шумный успех, и критиканы стыдливо опускают голову при встрече с участниками спектакля. Шах-Азизов знал театр, знал перепады его температур и любил его, как собственное детище. По-моему, по большинству голосов ни в одном театре не выпустили бы ни одного спектакля. Я сейчас все чаще вспоминаю пьесу Ибсена «Доктор Штокман», где прав один, а все не правы, потому что в искусстве очень часто возникают подобные ситуации, особенно когда кто-то открывает новое. Когда одни не правы, заблуждаясь, а другие под видом защиты общих интересов защищают собственные корыстные. Актеры могут быть очень талантливы, ярки, симпатичны, есть актеры редкого ума и достоинства, но часто они импульсивны и чрезвычайны.

Сейчас крупных режиссеров — особенно тех, кто может быть художественным руководителем, — мало, их нужно беречь

как раритеты. Смерть Эфроса — ужасающая потеря для всего нашего театра. И пока невозможная. Когда еще появится столь яркая индивидуальность, аллах ведает. Они же не могут быть созданы никакими постановлениями. Возлагать надежды на коллективное руководство театром — значит практически смириться с горькой необходимостью. Советские театры всегда славилась именами главных режиссеров — театр Мейерхольда, театр Вахтангова, театр Таирова, театр Акимова, театр Охлопкова и т. д. Я понимаю — ничто не вечно под луною. Великолепное гигантское здание отечественного театра, сооруженное корифеями прошлого, долгие годы поддерживаемое их продолжателями, обветшало. Тому были исторические причины, и, повторяю, ничто не вечно. Но наша задача — хранить все ценное, доставшееся от прошлого, и многое соорудить заново. Проходящий театральный эксперимент не должен быть приказом — экспериментировать во что бы то ни стало. Он просто расширяет возможности театра, и только. А где не надо экспериментировать, ради бога, и не надо.

Театр наш богат замечательными актерами и актрисами. Но, как это ни парадоксально, без хорошего режиссера все они не являют себя на сцене в полную силу таланта. Я замечал: многие перебежавшие из театра в театр крупные актеры, увы, теряли особый блеск своего дарования, в лучшем случае демонстрировали то, что приобрели раньше. Когда началась эта актерская перебежка, я с горечью подумал: не создадут ли общую контуру, к которой будут приписаны все актеры, а режиссеры из этой многотысячной массы станут выбирать для исполнения Сквозник-Дмухановских, Репетиловых, Лирров, Гарпагонов, Ларис Огудаловых — всех, кто потребуется, тем более что актерская школа у всех одинаковая, монтироваться будут без труда (кстати, о вреде единой театральной школы когда-нибудь следует поговорить особо)? Сейчас ростки этой контуры пробиваются смелее: разговоры о возврате к бенефисам, к коммерческому театру, к гастролерству звучат все чаще и чаще. У меня это вызывает смешанное чувство надежды и печали. Думаю: а не изобретет ли кто-либо что-нибудь новенькое?

И еще о демократизации. Этот процесс, как я знаю, происходит в уродливой форме и в главном театре страны — во МХАТе. Я боюсь и за судьбу МХАТа, и за судьбу Олега Ефремова. Министерство культуры СССР должно взвешивать, бережно отнестись к сложившейся внутри этого театра ситуации и не допустить катастрофы. И действовать, на мой взгляд, надо побыстрее.

В свое время, когда возникло движение ударников в промышленности и сельском хозяйстве, рьяные деятели объявляли призыв ударников в литературу. Представьте себе, ударников набирали. А какой был толк? Повторяю — нельзя переносить механически годное для одного дела и непригодное для другого.